

Евгения Подклетнова

Сага Вильярионов
Корона предков

Сага Вильярионов

Светлана Подклетнова

**Сага Вильярионов:
Корона предков**

«Автор»

2026

Подклетнова С.

Сага Вильярионов: Корона предков / С. Подклетнова — «Автор»,
2026 — (Сага Вильярионов)

Я думал, что я пустой – простой парень из леса, приемный сын лекаря. Но в ночь, когда Зов разбудил землю, я почувствовал внутри нечто древнее и бездонное. А на пороге дома уже стояли убийцы, посланные человеком, который украл мой трон. Меня зовут Леонард Вильярион. Я — наследный принц, которого считают мертвым. Теперь я скрываюсь в Академии магии под чужим именем, учусь управлять силой, способной уничтожить всё. И пытаюсь не влюбиться в ту, кому не могу открыть правду – в принцессу Лиру, мою невесту по древнему договору, которая пока не знает, кто я. Но время лжи истекает. Узурпатор уже близко. И когда он нанесет удар, выбирать придется не мне одному. Это история о том, как стать пешкой в чужой игре, чтобы однажды объявить шах и мат.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПЕЧАТЬ	5
Пролог	6
Глава 1. День, когда взорвалась тишина	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сага Вильярионов: Корона предков

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПЕЧАТЬ

[Видео-визитка книги "Корона предков"](#)

Пролог

Глубокой ночью в покоях герцога Тарриана царила привычная тишина. Он уже протянул руку к подсвечнику, намереваясь погасить свечи, но вдруг снизу донёсся крик — такой резкий и болезненный, что герцог замер.

Пальцы, так и не дотянувшиеся до свечи, застыли в воздухе. Он не стал подходить к окну — ему не нужно было видеть, чтобы понять, что происходит пока ещё только перед парадными дверьми. Но вскоре всё это заползёт и внутрь дворца.

Вспомнился недавний разговор с королём Элианом Вильярионом, когда они продумывали план на случай назревающего переворота. Приказ правителя был ясным и единственно верным: *«Если это случится ночью, — говорил тогда Его Величество, — бери Лео и уводи. Живым. Жизнь наследника намного важнее моего спасения»*.

Новый звук разорвал тишину — теперь не крик, а глухой стон, за которым тут же последовал металлический лязг. Бой приближался — нападающие были уже где-то в глубине коридора.

Герцог двинулся с места. Не бросился бежать, а зашагал размеренно, целеустремлённо, стараясь отвлечься от окружающего его безумия. Пальцы сами нашли знакомый выступ на резной панели возле оружейной. Лёгкое нажатие — и панель плавно скользнула в сторону, открыв тёмный проход, из которого мерзко тянуло сыростью. Тарриан нырнул в тайный проход и неслышной походкой быстро пошёл внутри стен. Сегодня ему не нужно было подсматривать за кем-то в потаённые окошки и глазки — он шёл целенаправленно исполнять последнее желание, скорее всего, уже погибшего короля.

Герцог уже почти достиг детской, когда услышал, что в дальнем конце крыла разгорелась новая схватка. Крики, звон оружия, хриплые вздохи — стража Вильяриона приняла смертельный для себя бой, выигрывая для Тарриана драгоценные мгновения.

Дверь в детскую была приоткрыта. Няньки нигде не было видно. Сбежала. Но её можно было понять — все хотят жить... В колыбели мирно посапывал двухлетний Леонард. Мальчишка не понял, как в этот трагический момент изменилась его судьба. Да и как ему понять? Совсем юный принц.

— Простите, Ваше Высочество, — прошептал Тарриан.

Он снял с кровати одеяло, бережно завернул в него мальчика и прижал к себе, укрыв сверху плащом. Лео слегка крякнул, но тут же затих.

Обратный путь по потайным ходам казался мучительно долгим. Тарриан то и дело останавливался, напряжённо вслушиваясь в тишину. Ни звука. И эта безмолвная пустота пугала его больше, чем шум погони. Сейчас он уже не настолько спешил, поэтому происходящее за стенами интересовало его больше, чем по пути к покоям Его Высочества. И то, что он наблюдал в потаённые глазки и окошечки, вызывало тоску. Как же оказалось легко всё разрушить. Воистину: разрушить — не строить!

Он не стал подниматься к себе. Скорее всего, в его комнате уже всё было перевёрнуто вверх дном. И незваных гостей, небось, куча...

В конюшне его ждал Элион. Старый лекарь с бледным лицом и подрагивающими губами стоял у заднего стойла, прикрывая ладонью тусклый свет фонаря. Мужчина старался держаться. Но получалось у него откровенно плохо. Конечно, врачеватель — ни разу не воин.

— Тарриан... Король?.. — выдохнул Элион.

— Мёртв, — коротко ответил герцог, передавая ему ребёнка. — И все, кто был с ним. Кассиан ищет мальчика.

Элион вздрогнул, принимая ношу. Осторожно приоткрыл одеяло, взгляделся в лицо Лео.

— Вы куда теперь, мастер? — лекарь отнял взгляд от ребёнка, наблюдая точные движения седлающего рыска Тарриана.

— В Элевейн. Меня давно уже зовут в их академию, — мужчина подтянул подпругу. — Тут мне больше делать нечего. Да и опасно.

— Мальчонке с вами было бы безопаснее. Да и воспитывался бы, как дворянин, а не словно отребье. И я бы при вас смог быть, — голос Элиона сорвался на всхлип, маленький принц заворочался, и лекарь начал качать мальчика. — Шшш, спи, малыш, спи. Сон — он, знаешь, как сейчас хорошо...

— А твоя семья? — вскинул на него взгляд Тарриан.

— Нет больше семьи... — Элион глубоко вздохнул, прогоняя предательскую дрожь. Не время, не сейчас...

Руки Тарриана на миг остановились. Вспомнилась всегда улыбающаяся Сильва и юркие сорванцы, вечно норовящие сотворить что-нибудь этакое. Но герцог ничего не сказал. Этот день для всех стал днём скорби.

Пока Тарриан проводил пристругу через кольцо, молчал. Но, закончив, он всё же ответил:

— Вильярион считал, что юному принцу нужно расти среди его народа.

Элион кивнул. Это было правильно. Правитель должен знать тех, кто когда-то окажется под его властью. Иначе он может стать чужестранцем для своих подданных.

— Его дар... — прошептал Элион, приглядываясь к мальчику. — Я чувствую. И Кассиан почувствует.

— Поэтому ты и нужен, — Тарриан крепко сжал его плечо. — Спрячь его. И запечатай этот дар. Чтобы ничего не осталось. И следи... Следи!

Элион медленно покачал головой.

— Я лекарь, Тарриан. Могу срastить кость, снять жар. Но запечатать королевскую кровь... Это под силу лишь архивариусам из Элевейна. Или... — он запнулся.

— Или можно призвать элементарей, — закончил за него Тарриан. — Знаю. Но элевейнцы убьют ребёнка, едва узнают, чья в нём кровь. А с духами... это верная смерть для непосвящённого.

— Так что же делать? — в голосе Элиона звучала растерянность.

Тарриан наклонился ближе, его голос стал тише:

— Ты учился у Хелара. Знаешь руны ослабления. Не погасишь — загони. Глубоко. Чтобы казалось, будто там пусто. Сможешь?

Элион замер, его взгляд метался между Таррианом и ребёнком. Затем он закрыл глаза, губы беззвучно зашевелились. Это было преступлением. Но выбора не было.

Когда он вновь открыл глаза, в них читалась лишь усталая решимость.

— Это будет не печать. Это тюрьма. Слабая. И если треснет...

— Тогда, — Тарриан резко обернулся на нарастающий гул из цитадели, — надейтесь, что к тому времени принц будет готов. Теперь бегите. — Герцог протянул лекарю набитый золотом мешочек. — И никогда не говорите ему, кто он. А как время придёт, отправь его ко мне, в академию.

* * *

В лесной хате Элион совершил то, за что его учителя без колебаний отреклись бы от него. Он не взывал к духам — он использовал знание о них. Дрожащими пальцами он вычерчивал на полу охлаждающие знаки Воды, символы сокрытия Земли. Он не гасил огонь в Лео — он опутывал его смирительной рубашкой из чужой магии, загоняя вглубь, под камень забвения.

Ребёнок спал, но по его щекам медленно стекали слёзы.

Когда ритуал был завершён, в хижине воцарилась тишина. От мальчика больше не исходило ни капли силы. Он стал абсолютно пустым.

Элион опустился на колени. Его тело содрогнулось от внутренней дрожи. Сейчас врачеватель испытывал отвращение к себе, но сквозь это чувство пробивалось и холодное облегчение. До поры, до времени он спрятал последнюю правду в королевстве, где на трон вошёл лжец и братоубийца.

А в Чёрной цитадели бывший принц, а теперь самопровозглашённый король Кассиан стоял перед Коронай Предков. Она покоилась на бархатной подушке, словно ожидая своего часа.

Он протянул руку, чтобы взять её. Рука коснулась холодного металла — и тут же отпрянула. Боль пронзила не кожу, а что-то глубже, где-то в сознании.

Кассиан уставился на свои пальцы — они были целы. Затем перевёл взгляд на корону — она лежала на месте, невозмутимая и холодная.

И он для себя решил — его личная сила заключалась не в металле. Она была в способности заставить других поверить. Даже лжи. А в этом искусстве он был лучшим.

Глава 1. День, когда взорвалась тишина

Тишина — вот что я ненавижу больше всего.

В шуме есть правда: скрип пера, грохот котла в школьной алхимической лаборатории, гул голосов в столовой, даже завывание осеннего ветра в щелях нашей старой лесной избы. Шум заполняет пространство, не оставляя места для чего-то ещё. А вот тишина тишина всегда была обманчивой. Она казалась не пустотой, а ожиданием. Звонящей, густой, как кисель, пахнущей старостью книг и сушёными травами из сумки отца.

Именно такая тишина опустилась на класс риторики в день, когда всё началось. Мастер Харган только что велел нам разобрать речь первого лордапротектора Кассиана, произнесённую в честь десятилетия его правления.

Сам не знаю почему, но имя лорда-протектора Кассиана всегда вызывало у меня ощущение холода под ложечкой. О нём говорили с придыханием, его портрет украшал каждое официальное учреждение. Мудрый правитель, взявший бразды правления после трагической гибели брата — короля Моркрауна. Но только у меня на счёт Его Величества Кассиана имелось собственное мнение, которое по настоянию приёмного отца я всегда держал при себе: сироте, подобранному лесным лекарем, не подобало рассуждать о политике. Хватит уже того, что меня приняли в школу.

Я был очень благодарен отцу за это, хотя никогда не понимал, как он смог этого добиться. Жили мы бедно, а бедняки в школах не учились. Да и магии у меня не было, что тоже не добавляло мне шансов на поступление. Но всё же я здесь, сижу за партой и размышляю о чём-то своём, пока учитель пытается вложить в наши головы фразы, кажущиеся такими же пустыми, как мой магический резерв.

Я глядел в окно — на серое небо, прошитое чёрными ветвями вязов, — и пытался сосредоточиться на тексте: *«и в единстве наша сила, в верности престолу — наша честь»*

Скучно. Неискренне. Фразы скользили по сознанию, не задерживаясь.

А потом тишина взорвалась.

Не звуком. Чемто иным.

Ощущение напоминало тяжесть перед грозой, когда закладывает уши, — только внутри черепа. Воздух в классе сгустился, зарядился статикой. Волосы на руках встали дыбом. Я инстинктивно вжался в спинку скамьи; сердце колотилось где-то в горле.

Рядом сидел Алрик, сын кузнеца. У него была стихия Огня: дар слабый, но достаточный, чтобы подогревать металл для отца. Он вдруг выпрямился, уставившись на ладони. По пальцам пробежали крошечные искорки, трескавшиеся, как сухие веточки ивы, что растёт в лесу вдоль ручья. Те издают такой же звук, когда зимой покрываются инеем — тихо потрескивают. Отец говорит — поют.

Сосед Алрика, плотный Гарн обладает Земляным даром. Он здорово умеет уплотнять комья глины, делая из них такие тяжёленькие строительные кирпичи, что дома, построенные из этих кирпичиков, говорят, могут стоять веками. Очень, кстати, полезный дар. А вот сейчас Гар невнятно крикнул и уронил грифельную доску. Та грохнула, но звук мне почему-то казался приглушённым, укутанным ватой.

Да что происходит-то?

И внезапно я это почувствовал. Это не было даром — его у меня никогда не было и быть не могло. Я родился пустым. Отец, видимо, ожидая, что какая-нибудь захудалая магия во мне всё же может проснуться, проверял меня каждые полгода. Для этого он использовал старый резонансный кристалл. Но тот всегда молчал, глухо и бесповоротно.

А вот сейчас Я ощутил напряжение. Оно шло не от одноклассников, а откуда-то извне. Словно гигантская невидимая струна, натянутая над городом, вдруг задрожала, издавая звук, слышимый не ушами, а костями.

Мастер Харган – старик настолько же бездарный, как я, нахмурился, заметив, почему-то только реакцию Алрика на то нечто, что сейчас витало вокруг.

— Алрик! Контролируй проявления! Неуч! — рыкнул он так громко, что парнишка со страху подпрыгнул.

— Но, мастер, — голос Алрика дрожал, — что-то не так Я ничего не делал

А вот я Я наблюдал, как бледнеют лица других одарённых. Их магия, обычно покорная и тихая, сейчас будто взбесилась.

А потом я это почувствовал – всем своим телом и чем-то ещё. Внутри. Чем-то, чего до этого я ни разу не ощущал. Она накатила волной. Не эмоция, не мысль. Чистая, нефильТРованная сила. Древняя, как скалы, и холодная, как звёздная бездна. Она пронеслась сквозь стены, сквозь меня, оставив след ледяного огня в жилах и странный привкус меди на языке. На миг в ушах пронёсся шёпот — миллион голосов, сплетённых в один нечленораздельный рокот.

Я зажмурился. Внутри, в самой глубине, там, где у других должен быть источник дара, у меня всегда была тишина. Пустота. Но сейчас эта пустота отозвалась. Не вспыхнула, не затрепетала. Она дёрнулась — единственный раз, словно спящий зверь, тронутый эхом далёкого землетрясения. Вместе с этим дёрганьем в виски ударила острая, быстро стихшая боль.

Когда я открыл глаза, в классе царил хаос. Ктото кричал, что его дар исчез. Алрик плакал, сжимая обожжённые, но уже не сыплющие искрами, пальцы. Гарн тяжело дышал, уставившись в пустоту. Мастер Харган в панике метался между рядами, не понимая, как помочь обезумевшим от страха ученикам.

Я же сидел неподвижно, прислушиваясь к тому, что отозвалось на накатившую извне волну силы. Но внутри снова было тихо. Глухо. Пусто. Однако, что-то изменилось. Ощущение напоминало трещину в любимой чашке отца: её замечаешь, лишь когда наливаешь воду и по глазури медленно, неумолимо расползается тёмная влажная нить.

Я поднял взгляд. За окном, поверх крыш, в стороне Чёрной цитадели, вставал странный, мерцающий свет. Не солнечный, не от огня. Холодный, сизоватый. Он пульсировал в такт гулу, отдававшемуся в костях и почти стихшему.

Цитадель. Про неё говорили разное. Но главное – именно там покоилась корона Моркрауна, которая так и не приняла Кассиана после кончины последнего истинного короля Моркрауна – Элиана, старшего брата нынешнего лорда-протектора.

Я глядел на столб света над цитаделью, и внутри у меня разливалось непонятное чувство. Инстинкт, выработанный за двенадцать лет жизни с отцом, вечно оглядывавшимся через плечо, шепнул: *«Беги. Скрывайся. Не задавай вопросов»*.

Я вскочил. Движения мои стали резкими, точными.

— Леонард! Куда?! — гаркнул Харган, но в его голосе звучало больше растерянности, чем власти. И удерживать меня он не стал.

Я не ответил. Уже выскочил в коридор, где творилась такая же неразбериха: ученики толпились у окон, учителя пытались их успокоить. Кроме учителя Харгана, никто не обратил на меня особого внимания.

Я мчался по улицам, сбегавшим с холма к Лесному посаду, где мы жили с отцом. Город напоминал растревоженный улей. На площадях собирались люди, указывая на цитадель. Слуги в ливреях металась между домами знати. Я слышал обрывки фраз:

— слышали? В самой Крипте

— Корона Предков

— проснулось что-то

Сердце колотилось, рёбрами я ощущал отчего-то потеплевший медальон — единственную вещь, которую отец велел хранить любой ценой. Простой железный диск с выбитым стилизованным деревом. *«На память о твоей матери, — говорил он. — Никогда не снимай».*

Наш дом стоял на отшибе, в чаще старого леса. Дым из трубы поднимался ровной струйкой, словно ничего не случилось. Я ворвался внутрь, захлёбываясь от бега.

Отец стоял посреди комнаты. Не готовил зелья, не перебирал травы. Просто стоял, неотрывно глядя на дверь, словно точно знал — сейчас я появлюсь на пороге. В его обычно сторбленной спине читалась совершенно неестественная для него прямая струнка. А в руках он сжимал старый потёртый дорожный посох, с которым обычно не расставался.

— Отец? — выдохнул я, закрыв за собой дверь и прислонясь к ней спиной. — В городе что-то произошло. В цитадели. Все почувствовали

Он медленно обернулся. Лицо, обычно доброе и усталое, сейчас было пепельносерым. В глазах, смотрящих на меня, но будто ничего не видящих, плавала тень такого ужаса, что у меня перехватило дыхание. Я видел такой его взгляд лишь раз — когда он, бредив в лихорадке, кричал о каком-то пожаре и детском плаче.

— Ты почувствовал, — он не спрашивал, он утверждал. Его голос почему-то казался чужим, плоским.

Я кивнул, не в силах произнести ни слова.

— И у тебя? — он шагнул ко мне; костлявые, сильные пальцы впились в плечи. — Внутри? Отозвалось что-то?

Я снова кивнул, испуганный его реакцией.

— Боль. Тихо. Всего на миг.

Отец зажмурился; по морщинистым щекам скатились две быстрые, прозрачные слезы. Он прошептал что-то похожее на *«сломалось»*. Потом резко отпустил меня.

— Собирай вещи. Только необходимое: еду, тёплую одежду, свой нож. — Он уже двинулся по хижине, хватая мешки. Запихивал туда сушёное мясо с полки, мешочки с травами и сухарями.

— Что? Куда? Почему? — наконец вырвалось у меня.

— Они ищут. После такого всплеска они почувствуют эхо. Искатели Кассиана. Они прочёсывают всех, на кого пала тень подозрения. А тень на нас падала давно. — Он говорил быстро, отрывисто, набивая мой походный ранец. — Тебе нельзя больше здесь оставаться.

— Кто «они»? Что ищут? Какая тень? Отец, что происходит?!

Он остановился, посмотрел на меня. В его взгляде бушевала война: страх, боль, любовь и какая-то твёрдая, как гранит, решимость.

— Правду, Лео. Они ищут правду, которую мы прятали все эти годы. Я прятал. И если найдут — Он не договорил. Схватил со стола маленький, зашитый в кожу футляр — свои хирургические инструменты. — Ты должен добраться до Элевейна. До их академии магии. Найди там герцога Тарриана.

Элевейн? Академия магии? Герцог Тарриан? Эти слова звучали как отголоски из другой реальности.

Я стоял, сжимая в ладони холодный металл висящего на шее медальона, и не мог произнести ни слова. Отец двинулся к сундуку у стены, вытащил потрёпанный кожаный свиток и тяжёлый мешочек.

— Вот карта старых троп. Вот деньги. Держись северных ручьёв — они выведут к перевалу. Оттуда до Элевейна три дня пути верхом.

— Но почему только я? А ты? — голос дрогнул.

Отец замер, сжал мои плечи. В его глазах, обычно тёплых и внимательных, теперь плескалась бездна.

— Потому что ты — единственный из нас двоих, кто пока ещё может спастись. И Ты почувствовал. Ты *отозвался*. А я — он помолчал, — я уже слишком стар для бегства. И слишком заметен.

За окном снова взвыл рог — ближе, резче. Вдалеке замелькали огни: факелы, магические сферы.

— Они уже здесь, — прошептал я.

— Не здесь. Ещё нет. Но скоро. — Отец сунул мне в руки свёрток с картой и мешочек с монетами. — Слушай внимательно. В Элевейне найди герцога Тарриана. Только ему можно доверять. Скажи ему: «Печать ломается». Он поймёт. И ещё — он достал из-за пазухи тонкий пергамент, запечатанный воском с оттиском дерева, — передай это лично в руки. Никому другому. Даже если тебя будут пытаться. Даже если покажется, что выхода нет.

Я сжал пергамент в кулаке.

— А если он не поверит? Если решит, что я — просто мальчишка с бредовой историей? Отец улыбнулся — впервые за этот день. Улыбка вышла кривой, усталой, но настоящей.

— Он поверит. Потому что ты — не просто мальчишка. Ты — Леонард. Сын Элиона. И ещё кое-кто. Но об этом позже. Сейчас — беги.

Я рванулся к задней двери, но на пороге обернулся.

— Отец кто я? Что ты имел в виду, когда сказал, что я «ещё кое-кто»?

Вопрос повис в воздухе, острый, как лезвие.

Элион вздрогнул. Он подошёл, положил руки мне на голову, как делал, когда я был маленьким и не мог заснуть.

— Ты — моё дитя, — прошептал он хрипло. — Моя боль и моя гордость. И сейчас тебе нужно быть храбрее, чем когда-либо. Теперь беги. Пока не поздно. Беги!

Я выскочил в хмурый лесной вечер. У изгороди стояла уже осёдланная Молли, моя старая кобыла, с притороченным походным мешком. Я вскочил в седло, последний раз оглянулся.

Отец стоял в дверях, чёрный силуэт на фоне тёплого света нашей хижины. Он поднял руку в прощальном жесте. Потом повернулся и захлопнул дверь. Я услышал скрежет и понял: он закрылся не на засов. А на мощный деревянный брус, который мы использовали только зимой, в самые лютые бураны.

Он не собирался уходить. Он оставался, чтобы задержать их. Чтобы дать мне время.

Ещё один вой рога, уже ближе. Лошадь беспокойно переступила копытами.

Я вонзил пятки в её бока и рванул вглубь леса, в сторону тёмного провала, который на карте был помечен как «Вход в Старые Копи». В ушах стучала кровь, а внутри, в той самой звенящей пустоте, теперь жил крошечный, едва уловимый скол. Трещина.

И откуда-то из глубины её, сквозь сон разума и пелену забытья, на меня смотрело что-то древнее и бесконечно одинокое.

Лес поглотил меня. Ветви хлестали по лицу, корни норовили выбить из седла. Я гнал Молли вперёд, не разбирая дороги, подгоняемый топотом копыт и криками позади.

— Там! В сторону Копьев!

— Огонь!

В небе вспыхнула алая сфера, осветив кроны. Я припал к шее лошади, свернул в овраг, заросший папоротником. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот пробьёт рёбра.

«Не останавливайся. Не доверяй никому», — звучали в голове слова отца.

И я скакал, скакал, скакал. Пока скрывшееся за горизонтом солнце ни позволило миру погрузиться в темнеющие сумерки.

Я вытащил карту. В свете луны линии троп казались призрачными, но одна — северная, вдоль ручья — выделялась чётче прочих. Я свернул на неё, едва не выпав из седла от резкого поворота.

Через час погоня отстала. Или я так думал. Лес затих, лишь изредка шуршал листьями да вскрикивала ночная птица. Я остановил Молли, прислушался. Тишина.

Но не та обманчивая, густая тишина, что давила на всех в классе во время уроков. А другая — живая, дышащая. Лес *знал*, что я здесь. И, кажется, не был враждебен.

Я достал медальон. В лунном свете его поверхность мерцала, будто внутри тлел уголёк. Я провёл пальцем по рельефному дереву, вспоминая слова отца: *«На память о твоей матери. Никогда не снимай»*.

Кто она? Где она? Почему я никогда не видел её портрета?

Вопросы роились в голове, но ответа не было. Только треск веток вдалеке — то ли зверь, то ли

Я вскочил в седло.

— Пошли, Молли. Нам ещё далеко.

Ло

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.